

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НА АЛТАЙ

Бондаренко Светлана Ивановна,

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия

bonsvet@bk.ru

В статье рассматривается вклад переселенцев в культурную и экономическую жизнь Алтая. С опорой на опубликованные источники анализируются особенности экономических и культурных изменений, выявляются основные виды деятельности переселенцев. Устанавливается, что переселенцы дали значительный толчок культурно-экономическому развитию региона.

Ключевые слова: сибиряки, переселенцы, старожилы, Алтай, кустарная техника, крестьянское хозяйство

THE ECONOMIC AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF MIGRATIONS TO ALTAI

Bondarenko Svetlana Ivanovna,

Altai state agrarian University, Barnaul, Russia

bonsvet@bk.ru

The article examines the contribution of immigrants to the cultural and economic life of Altai. Based on published sources, the features of economic and cultural changes are analyzed, and the main types of activities of immigrants are identified. It is established that the settlers gave a significant impetus to the cultural and economic development of the region.

Keywords: Siberians, migrants, old-timers, Altai, handicraft equipment, peasant farming

Исследователи Сибири XVIII – начала XX в. оставили нам свои научные наблюдения, которые позволяют увидеть впечатления, оценки, уникальную интерпретацию исторических фактов очевидцами событий. Изучение этих источников позволяет более точно реконструировать особенности заселения окраинных регионов в контексте восприятия этих процессов современниками. Важный вклад в изучение и систематизацию исследовательского материала по истории переселенческого дела внес И.Е. Овсянкин. Будучи сыном южноуральского купца, виноторговца Е.И. Овсянкина, окончил одну из самых известных и престижных на Южном Урале мужскую гимназию в городе Троицке. В гимназии действовал самый крупный на Урале революционный социал-демократический кружок, которым руководил будущий народник и исследователь Алтая П.А. Голубев. Овсянкин становится членом этого кружка. После окончания гимназии, он поступает на юридический факультет Казанского университета. Но, со второго курса, в 1897 году, был отчислен за революционную деятельность, и сослан на четыре года в Алтайский край село Чистюнька. Проработав два года учителем в Чистюньском народном училище, он увлекается исследованием крестьянского хозяйства алтайской деревни и становится действительным членом Общества любителей исследования Алтая. Вскоре по ходатайству почетного председателя Общества

он переезжает в Барнаул, где продолжает исследовательскую работу по заданию общества. В 1890 г. ссыльный народник П.А. Голубев издает в г. Томске исследовательский труд «Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа», куда включается и работа И.Е. Овсянкина «Колонизация и переселенческое дело» [1, с. 380]. В работе он характеризует особенности переселенческого дела.

Экономическое и культурное значение переселенческого движения для Алтайского региона трудно переоценить. Так исследователи подчеркивают, не было ни одного кустарного или ремесленного производства на Алтае, которое не было бы улучшено переселенцами, а многие только с их приходом и появились. Так шубники, пинокаты, столяры, слесаря, швецы, штукатуры, плотники в подавляющем большинстве были новоселами. И если по мнению М.П. Шабанова в XVII–XVIII вв. можно говорить о заметной роли ссыльных в земледельческой колонизации региона, то в XIX в. ситуация меняется, роль ссыльных в земледельческом освоении является уже незначительной, а переселенцы это уже в массе своей культурные труженики [3, с. 77].

Переселенцы привезли новые земледельческие машины и орудия. Местная соха была полностью вытеснена российским плугом, веялки и сортировки имелись почти в каждой деревне, практически во всех волостях Алтайского округа работали по 2–4 молотилки. Кроме городов (Бийск и Колывань), кустарные переселенческие центры появлялись в селе Загайново Бийской волости Бийского округа [2, с. 382]. Кроме производства сельскохозяйственных, и шерстобитных машин, в селе вытачивались самопрялки, деревянная посуда и т.п. Переселенцы завели в Бийском округе маслобойни. Появились новые производства. Так, до переселения в алтайских деревнях постного масла не производилось. Переселенцы, строили водяные мельницы, изменили местную конструкцию ветряных мельниц.

Переселенцам принадлежал почин и главная роль в деле улучшения семян и введении в культуру на Алтае новых сортов хлеба: преимущественно таких сортов как китайская рожь («веснянка»), черный овес, пшеница белотурка, синеуска и пр. Просо вошло в состав постоянной пищи алтайского крестьянина только с развитием переселений. А гречку в Бийском и Барнаульском округах сеяли и употребляли в пищу одни лишь новоселы, а из старожилов многие с ней были даже незнакомы.

Но не только в сельском хозяйстве наблюдались изменения в связи с процессом переселения. Животноводство тоже претерпело существенные новации в связи с переселенческим процессом.

Местные породы скота были улучшены скрещиванием с привезенными породами из центральной России. Также разводились новые породы скота, например, орловские рысаки в деревне Мышланке Барнаульского уезда. В деревне Курья Бийского округа, разводили «чухонских» свиней, длинношерстных овец, крупный рогатый скот и проч.

Но главное значение переселений все-таки было не в распространении новинок кустарной техники, в земледелии, скотоводстве. Переселение дало толчок изменению самого характера, типа крестьянского хозяйства на Алтае. Более ста лет алтайский крестьянин нес заводские повинности: рубил лес в борах, выжигал годовой «урок» угля, возил этот уголь на заводы, туда же доставлял за сотни километров руду с рудников. Необходимость частных и долгих отлучек по делам заводов отрывала крестьянина от его хозяйства. Рудовозная повинность и богатые пастбища приалтайских степей указывали иной путь для хозяйства – скотоводство. И действительно, оно достигло здесь грандиозных для крестьянина Европейской России размеров. В 1870-х гг. дворы

с несколькими десятками лошадей и крупного рогатого скота были обычным явлением. С распространением переселения тип крестьянского хозяйства поменялся со скотоводческого направления на земледелие.

В начале 1880-х гг. пароходы уже повезли алтайский хлеб в Тюмень и цены на пшеницу поднялись в три раза. Это стимулировало сибиряков самим заниматься пашенным земледелием. Переход совершался довольно быстрыми темпами. Известные деревни – Хабазино Барнаульской волости, Бураново и Шахи Шадринской, и др., где до прихода переселенцев не было ни одного пахаря, а в конце XIX в. уже редкий старожил не засеивал 1–5 десятин. Сами алтайцы прямо указывали, что за землю взяты их надоумил пример новоселов. У них старожилы учились лучшим приемам ухода за пашней.

По наблюдению Овсянкина Е.И. старый строй жизни алтайской деревни создал в ней бок о бок поразительные контрасты: около больших двухэтажных хором – находились десятки некрытых лачуг. Наряду с владельцами сотни лошадей – было несколько безлошадных домовладений. Одни крестьяне не работали совсем, другие отличались трудолюбием.

В конце XIX века, по общему отзыву старожил, эти крайности заметно сглаживались, а на смену богатому меньшинству и бедной массе крестьян, из последней выделилась группа самостоятельных хозяев – середняков. Это было объяснимо. При скотоводческом хозяйстве наследственная передача имущества играла гораздо большую роль, чем личный труд. В земледелии, при избытке свободных земель, наоборот.

Постепенный подъем беднейшего большинства до положения самостоятельных хозяев выразился, в области общественных отношений деревни. Быстрый рост алтайского земледельческого хозяйства можно было проследить по данным официальной статистики. Так по губернаторским отчетам, в трех алтайских округах (Бийском, Барнаульском и Кузнецком) за 12 лет – с 1875 по 1886 г. средний годовой сбор хлебов увеличился на 37,8 %, или 3,1 % в год [2, с. 385].

Но за данный период в населении произошел большой прирост от притока новоселов, и, несмотря на увеличение абсолютной цифры сбора, средняя запашка на хозяйство могла даже несколько понизиться. На одно хозяйство (двор) в 1830-х гг., в зависимости от урожая хлебов, приходилось от 26 до 33 четвертей сбора, что в среднем выходило около 30 четвертей.

Очевидно, что до 1870–1880-х гг. алтайское земледелие, увеличиваясь только пропорционально росту населения, в сущности, оставалось на одной и той же, очень невысокой ступени развития и лишь с притоком переселенцев стало расти значение Алтая, как житницы Западной Сибири.

В 1887 г. с алтайских пристаней по р. Оби было отправлено за пределы округа до 21–22 миллионов пудов хлеба. Кроме этого, значительная часть пшеницы Бийского округа была вывезена через иртышские пристани. Алтайская пшеница поступала в Восточную Сибирь, и на Урал. На 5 крупчатных мельницах размалывалось до 800 тыс. пудов в год. Вывоз зерна и муки увеличивался из года в год. В алтайском хозяйстве Кабинета чистый доход давали теперь только земли и леса, а горное дело даже не окупало уже расходы по эксплуатации и управлению. Помимо весьма значительных косвенных выгод от общего экономического подъема и оживления края, Кабинет выигрывал на росте прямых сборов – оброчного и арендного от распаханной незанятой земли, от переселения.

В интересах Кабинета было способствовать быстрому заселению Алтая, помогая обустроиться новоселам на Алтае. Опасений «перенаселения» и малоземелья

здесь не могло быть даже при усиленном приливе новоселов. По примерным подсчетам, территория Алтая превышала 40 миллионов десятин. Даже если допустить, что из них только 25 миллионов пригодны для земледельческой культуры, при 15-десятинной норме надела на мужскую душу, Алтай мог вместить около 1 600 тыс. мужского населения. В конце XIX в. оно не составляло еще и 500 тыс. душ мужского пола. Таким образом, при ежегодном переселении около 10 тыс. душ мужского пола при норме надела 15 десятин, переселение могло осуществляться около 100 лет.

По мнению исследователя, проявившиеся факты «утеснения» в угодьях, порождающие массу столкновений между деревнями и у старожилов с новоселами, лежат, в недостатках постановки земельного дела на Алтае и могли быть устранены правильной межевой политикой при окончательном наделении алтайских крестьян земель. Настоятельная необходимость этой меры заключалась в скорейшем окончании затянувшейся реформы 8 марта 1861 г.

На это указывалось и в местной печати. В урегулировании поземельных отношений и преобразовании податной системы на Алтае официальное учреждение (Томский губернский статистический комитет), местная пресса и специальный исследователь переселенческого вопроса на Алтае Чудновский, видели первый и неизбежный шаг для правильной постановки переселенческого дела. Но и эта необходимейшая мера не могла решить все проблемы переселенческого дела на Алтае. Большинство переселенцев приходили на новые места без средств и должны были в первые годы перебиваться на чужой работе, батраками. Очевидно, в это время они не могли приносить ни краю, ни Кабинету всех выгод, как самостоятельные хозяева. Ввиду этого и государство, и Кабинет несли большие потери от такого положения дела. Большие недоимки за новыми поселками красноречиво об этом говорили.

Государство ставило перед собой конкретную задачу помочь переселяющимся на государственные земли. Закон от 13 июля 1889 г. не только давал им льготы при уплате платежей и повинностей, но обещал денежное пособие на дорогу и первое устройство на новых местах [4, с. 127].

По мнению Овсянкина такие меры поддержки требовались и от Кабинета по отношению к переселенцам. Устройство специального алтайского переселенческого банка, по образцу Крестьянского поземельного, потребовало бы от Кабинета не затрат, а всего лишь посредничества. Банк мог легко бы найти, за 6 %, частные капиталы, а для новосела кредит в 7–8 % был бы большой поддержкой, по сравнению с кабальными условиями старожилов.

В конце XIX в. на Алтае оседало ежегодно по 18–20 тыс. переселенцев, или около 6 тыс. семей. Из них не имело средств для обзаведения хозяйством примерно 1,5 тыс. переселенцев, или 3 тыс. семей.

По наблюдению исследователя, на домообзаведение семьи было необходимо 200–250 рублей, следовательно, все затраты нуждающихся переселенцев требовали около 700 тыс. рублей ежегодного кредита. Высокий уровень зажиточности переселенцев на Алтае могло служить гарантией, что ссуды будут погашаться регулярно и через 15 лет переселенцы без затруднений смогли бы расплатиться с банками. Переселенцы редко селились в одиночку, в каждом пункте оседало ежегодно по несколько семей. Таким образом, для большего обеспечения кредитов, банки могли бы выдавать ссуды только товариществам, одновременно селящимся в одном месте, используя круговую поруку.

Не касаясь второстепенных мер к упорядочению переселенческого движения, исследователь выделяет важнейшие из них: 1) завершение поземельного устройства

алтайских крестьян и 2) организация специального переселенческого кредита. Только осуществление этих двух основных мер, по мнению И.Е. Овсянкина, поставит переселенческое дело на Алтае на должную почву и обеспечит для государства, края, Кабинета наибольшие выгоды.

Список литературы

1. Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. Т. 4. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890 / под ред. П.А. Голубева. Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014.

2. Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начало XX веков. Барнаул: Алт. краев. универ. науч. б-ка им В.Я. Шишкова, 2014. Т. 4. С. 380–418.

3. Шабанов М.П. Роль ссыльных в земледельческом освоении Сибири в XVII–XIX вв. // Американские исследования в Сибири. Вып. 2. Американский и сибирский фронт: мат-лы междунар. науч. конф. (4–6 октября 1996 г.). Томск: Изд-во ТГУ, 1997. Томск. Изд-во ТГУ, 1997. С. 76–90.

4. Бондаренко С.И. Особенности переселенческого дела на Алтае (по материалам ученых и общественных деятелей XVIII – начала XIX вв.) // Гришаевские чтения: мат-лы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2024. С. 127–130.